

**Л.Л.Клочковский**

# **Современные концепции мирохозяйственного развития и экономические реалии Латинской Америки**

Новые тенденции мирохозяйственного развития сопровождались заметной активизацией исследовательской работы. Это привело к появлению ряда концепций развития, разработанных как зарубежными, так и отечественными исследователями. Выдвинута концепция восходящих стран-гигантов, предполагающая превращение ведущих латиноамериканских государств — Бразилии и Мексики — в мировые центры силы. Однако, как показано в представленной статье, это противоречит экономическим реалиям региона. Очевидна необходимость широкого обсуждения данной проблемы.

**Ключевые слова:** концепция развития, экономическая модель, темпы роста, противоречия, центры силы.

Многообразные новые явления, обозначившиеся в мирохозяйственном развитии в XXI в., предопределили заметную активизацию теоретической мысли. Ее характеризуют довольно высокая оперативность, стремление быстро отреагировать на происходящие изменения и в то же время довольно сильная политическая ангажированность, четкая ориентация на анализ намечавшихся сдвигов в привязке к определенным политическим интересам. В этих условиях возникает важная задача критической оценки появляющихся теоретических разработок, равно как и сопоставления с объективной реальностью основополагающих выводов, вытекающих из этих исследований.

## **НОВАЯ РАССТАНОВКА ОСНОВНЫХ МИРОВЫХ СИЛ И ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ**

XXI в. ознаменовался формированием ряда новых тенденций в системе международных отношений. Одна из них определяется некоторым ослаб-

---

Лев Львович Клочковский — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЛА РАН (revistala@mtu-net.ru).

лением мировых позиций США. Они пока по-прежнему остаются гегемоном в мировой экономике и политике. Но для удержания достигнутого вынуждены все чаще использовать объединенные политические, военные, хозяйственные ресурсы блока промышленно развитых государств.

Другая ключевая тенденция — формирование новой версии двухполярного мира, где главными центрами силы являются США и стремительно наращивающий свою экономическую и военную мощь Китай. Ключевое отличие нового миропорядка от двухполярного мира, существовавшего во второй половине прошлого века, заключается в принципиально ином соотношении сил. Тогда имело место противостояние двух мировых систем — социализма и капитализма, что обеспечивало поддержание паритета по крайней мере на важнейших направлениях (в первую очередь военно-стратегическом) и вместе с тем сопровождалось наличием непримиримых противоречий (прежде всего в сфере идеологии). В современных условиях Китай пока далеко отстает от США по уровню экономического и особенно научно-технического развития, и ему потенциально может противостоять объединенная мощь центров капитализма. В целом и США, и особенно Китай заинтересованы в мобилизации максимально широкой международной поддержки.

Наконец, еще одна важная тенденция — утверждение многополярности. Она связана со стремлением довольно широкого круга государств (в первую очередь из числа развивающихся стран) укрепить свои внешнеполитические позиции, повысить международный авторитет. Однако специфика этой тенденции состоит в том, что она не является определяющей в международных отношениях и проявляется не столько в виде становления центров силы, претендующих на мировое значение (таковым сейчас является, пожалуй, только Россия), сколько в форме усиливающегося процесса поляризации, возникновения многочисленных точек напряженности и обострения противоречий.

Попытки осмысления этих сдвигов и их воздействия на мирохозяйственное развитие породили волну новых теоретических разработок. Среди них, в частности, выделяются так называемая гипотеза «инновационной паузы», концепции «новой нормы», «зеленой экономики», «реиндустриализации центров капитализма»\*. Но наиболее пристальный интерес и широкую дискуссию вызвали разработки, подготовленные экспертами Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ), например, такие как «концепция автономизации развивающегося мира» и «концепция превращения развивающихся стран в главную движущую силу мирохозяйственного развития». Политическая нацеленность этих концепций, призванных продемонстрировать близость и, более того, общность интересов центров и периферии, была с самого начала достаточно очевидной. Подчеркну, что серьезные возражения высказывались и по поводу их экономического обоснования.

---

\* Подробнее см.: А. А. Ф о н ц е в. Мировая экономика в поисках новой модели роста. — Мировая экономика и международные отношения, 2014, № 2, с. 3—12; В. М. П о л т е р о в и ч. Гипотеза об инновационной паузе и стратегии модернизации. — Вопросы экономики, 2009, № 6, с. 4—22; R. H a h n e l. Green Economics: Confronting the Ecological Crisis. New York, 2010; The Reindustrialization of the United States. Euler Hermes Economic Outlook, Special Report, January 2013, N 1187.

«Концепция превращения развивающихся стран в главную движущую силу мирохозяйственного развития» основана на включении в состав группы развивающихся государств Китая (принадлежащего к странам переходной экономики). Исключение КНР из этой группы несет в себе риск сведения ее моторных функций в мировой экономике к минимуму. В последнее время в обстановке распространения депрессивных явлений на развивающийся мир авторы концепции не столь активно настаивают на ее правомерности, хотя тезис о лидирующей роли развивающихся государств в мировом экономическом росте продолжает фигурировать во многих исследованиях Всемирного банка и МВФ.

«Концепция автономизации развивающегося мира», провозгласившая возросшую самодостаточность экономик периферийных стран, не выдержала даже краткосрочной проверки временем. Посткризисная эволюция убедительно продемонстрировала довольно узкие пределы самодостаточности экономик даже ведущих развивающихся государств, ограниченность процессов их автономизации. Система всеобщей взаимозависимости вновь подтвердила свою значимость как ключевой фактор, в решающей степени определяющий хозяйственную динамику периферии. С этой объективной реальностью вынуждены считаться авторы и сторонники «концепции автономизации». Так, по признанию специалистов экономической комиссии ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), «после мирового финансового кризиса некоторым странам удавалось поддерживать свой рост (или избежать падения производства) на базе расширения внутреннего спроса (потребительского спроса и инвестиций). Однако нынешнее торможение экономики свидетельствует, что динамизм указанных элементов сталкивается с растущими трудностями и не в состоянии стимулировать дальнейшее развитие... Повышение темпов роста будет в решающей степени зависеть от возможностей увеличения экспорта и расширения притока иностранных инвестиций»<sup>1</sup>. Показательно, что, прогнозируя некоторое повышение темпов роста ВВП стран Латинской Америки на 2014 г., эксперты ЭКЛАК исходили прежде всего из ожидания благоприятных изменений внешнеэкономической обстановки.

Следует, однако, отметить, что дело не просто в тех или иных ошибках или просчетах, допущенных в рассматриваемых концепциях. Главный изъян указанных теоретических построений состоит в том, что они отвлекают внимание и уводят в сторону от анализа фундаментальных изменений, наметившихся в мирохозяйственном развитии. Речь идет о формировании новой модели роста мировой экономики. Это явление тесно связано с процессами, развивавшимися в новейший период в центрах капитализма. Ключевой из них определяется резким рывком научно-технической революции и стремительным освоением передовых технологий, в том числе принадлежащих к шестому технологическому укладу (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии — НБИК). По имеющимся оценкам, за последние годы в США освоено 8-9 % базисных технологий нового технологического уклада, в Японии и Германии — 5%<sup>2</sup>. В США это привело, прежде всего, к масштабной реконструкции и обновлению (на базе автоматизации) производственного аппарата и заметному росту производительности труда (до 3% в год)<sup>3</sup>. Одновременно внедрение новых технологий в сфере добычи и использования сырья и энергоносителей создало условия

для так называемой сланцевой революции, развития процесса «реиндустриализации центров» и ряда других явлений, серьезно меняющих хозяйственную обстановку, расширяющих возможности ускоренного роста промышленно развитых стран.

Не менее важные подвижки связаны с возрастанием мощи ведущих финансово-промышленных групп и расширением сфер влияния их международных производственных комплексов (МПК). Сложились три центра этих комплексов («европейский» в рамках Евросоюза, «североамериканский» в рамках Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и «азиатский» на базе АСЕАН+5 (Китай, Япония, Южная Корея, Гонконг и Тайвань). Их роль в системе мирохозяйственных связей возрастает. По оценкам экспертов Всемирной торговой организации (ВТО) на долю МПК уже приходится до 30% всего международного товарооборота<sup>4</sup>.

Возрастающее воздействие как потенциальный фактор формирования нового экономического пространства и повышения роли центров приобретает так называемый мегарегионализм. По инициативе центров ведутся переговоры об образовании двух мегаблоков — трансатлантического и транстихоокеанского. Первый предполагают создать США и Евросоюз на основе «Трансатлантического договора о торговле и инвестициях». Конечной целью этого проекта является формирование полностью интегрированного экономического пространства. Как констатируется в авторитетных исследованиях, смысл этих усилий состоит в том, чтобы «обновить и упрочить союз между США и Европой, который играл на протяжении последних веков определяющую роль в истории мировой экономики и политики, и укрепить их лидерство в управлении мирохозяйственными процессами»<sup>5</sup>. Переговоры о заключении «трансатлантического договора» могут быть завершены уже в начале 2015 г.

Еще один договор, обсуждаемый по инициативе Вашингтона, в котором речь идет о создании «транстихоокеанской ассоциации», нацелен на создание блока, охватывающего ведущие государства данного региона (Японию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, ряд азиатских стран, Мексику и другие латиноамериканские государства) и составляющего определенный противовес растущему влиянию Китая. По мнению экспертов эти переговоры — ключевое звено «в стратегии администрации президента Барака Обамы, направленной на расширение присутствия США в азиатско-тихоокеанском регионе». Будущая группировка обладает мощным экономическим потенциалом: ее суммарный ВВП составляет 27,6 трлн долл. (почти 40% мирового производства), на ее долю приходится примерно четверть мировой торговли, почти половина вывоза капитала в форме прямых инвестиций и треть импорта капитала<sup>6</sup>.

Китай со своей стороны ориентируется на использование в собственных интересах группировки, получившей название «Региональная ассоциация экономической интеграции» (РАЭИ). В ней могут принять участие 16 стран Южной и Юго-Восточной Азии (равно как и некоторые члены упомянутой выше транстихоокеанской ассоциации). Переговоры о создании РАЭИ начались в мае 2013 г. Экономическую основу данной группировки составляет разветвленная сеть международных производственных комплексов, центральное место в которой занимают предприятия, размещенные в Китае\*.

\* Более подробно о роли «мегарегионализма» см.: А. А. Л а в у т. Мегаблоки — вызов для Латинской Америки. — Латинская Америка, 2014, № 6.

Таковы некоторые новые, наиболее важные элементы, определяющие хозяйственную эволюцию центров капитализма. Что касается развивающихся стран, то их положение осложняется формированием ряда негативных тенденций. Прежде всего это — отставание в сфере научно-технического прогресса. Руководящие круги ведущих развивающихся государств осознают важность ускорения научно-технического развития, что выражается в форме многочисленных официальных заявлений и деклараций, принятии программ инновационной перестройки, создании дополнительных бюрократических структур, отвечающих за научно-технический прогресс. Тем не менее темпы научно-технического обновления в национальном секторе экономики периферийных стран (за исключением Китая и в меньшей степени Индии) остаются низкими. Научно-технический отрыв центров от периферии возрастает, и это в решающей степени предопределяет слабость позиций развивающихся государств в условиях становления новой модели роста мировой экономики.

Не менее серьезной тенденцией является заметная неустойчивость конъюнктуры на мировых рынках сырья, энергоносителей и продовольствия. В отличие от предыдущего десятилетия развивающиеся страны вряд ли смогут рассчитывать на существенный рост цен на этих рынках. Имеющиеся прогнозы ориентируют, в частности, на возможное снижение цен на металлическое сырье и некоторые энергоносители (уголь и газ). Это во многом лишает экспортеров сырья и продовольствия сложившейся (и ставшей в предыдущий период привычной) базы экономического роста.

К тому же из-за удорожания рабочей силы (особенно в странах, проводящих социально ориентированный экономический курс) многие развивающиеся государства теряют прежние конкурентные преимущества на мировом рынке. В условиях резкого ускорения технологического прогресса решающую роль в определении конкурентоспособности выпускаемой промышленной продукции играют повышение качества «человеческого капитала» и квалифицированная рабочая сила, а эти «ресурсы» в развивающемся мире весьма ограничены.

В целом создаются предпосылки для возникновения новой модели мирохозяйственного развития, в которой роль главных локомотивов роста возвращается к центрам капитализма. По оценке некоторых специалистов «сдвиг в сторону капиталоемких технологий, ориентированных на использование квалифицированного труда в сочетании с радикальным повышением эффективности роста использования ресурсов (как ископаемых, так и возобновляемых), может в течение ближайших 15-20 лет вновь изменить баланс конкурентных преимуществ в пользу экономически развитых стран»<sup>7</sup>. Согласно расчетам, произведенным учеными МГУ на базе математической модели, разработанной на основе дифференциального уравнения профессора П.Б.Дубовского, прогнозируется заметное повышение темпов хозяйственного роста США. Более того, велика вероятность, что США, Япония, Великобритания и Франция станут лидерами мировой экономической динамики и перехватят инициативу в этой области у стран — членов BRICS (Brazil, Russia, India, China, South Africa)<sup>8</sup>.

Вместе с тем важно отметить, что проблема формирования новой модели мирохозяйственного развития является остро дискуссионной. Многие

аналитики высказывают серьезные сомнения по поводу возможности реализации предпосылок становления этой модели, а некоторые даже отрицают сам факт их существования. Так, журнал «Эксперт» ставит вопрос о «нарастающей деградации экономики США» и констатирует: «Старые развитые страны переживают один из серьезнейших кризисов в своей новейшей истории. Фактически трещит по швам весь сформировавшийся после Второй мировой войны геэкономический порядок»<sup>9</sup>. В числе сомневающихся фигурируют такие авторитетные эксперты, как Иммануил Валерстайн и Джордж Сорос. Последний в марте 2014 г. заявил: «Европейская экономика вползает в многолетнюю стагнацию, так же как это случилось в свое время с Японией. Европу охватил политический кризис, разделивший континент на страны-должники и страны-кредиторы, преследующие свои национальные интересы»<sup>10</sup>.

Острая дискуссия, развертывающаяся по вопросам перспектив мирохозяйственного развития, придает особую значимость необходимости углубленного и объективного анализа не только макроэкономических тенденций, но и реальной ситуации, складывающейся в отдельных регионах.

#### **КОНЦЕПЦИЯ ВОСХОДЯЩИХ СТРАН-ГИГАНТОВ В СВЕТЕ ИТОГОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЛАТИНО-КАРИБСКОЙ АМЕРИКИ В XXI В.**

Концепции мирохозяйственного развития, выдвинутые Всемирным банком и МВФ, конкретизируются применительно к ведущим регионам развивающегося мира. Эксперты ЭКЛАК, Межамериканского банка и других региональных экономических организаций в своих исследованиях и документах активно пропагандируют и поддерживают идеи «автономизации развивающихся стран и их превращения в главную движущую силу мирохозяйственного прогресса».

Российские исследователи на этом фоне сформулировали так называемую концепцию восходящих стран-гигантов. Ее суть (при многочисленных оговорках и порой недостаточно четких формулировках, затрудняющих понимание) сводится к трем положениям: во-первых, в мире возникла группа стран, претендующих на превращение в мировые центры силы; во-вторых, латиноамериканские державы — Бразилия и Мексика — принадлежат к данной группе государств; в-третьих, Бразилия и Мексика наравне с Китаем имеют предпочтительные шансы на вхождение в клуб мировых лидеров<sup>11</sup>. В теоретическом плане концепция вызывает большие сомнения, ибо в ней игнорируются особенности «китайской экономической модели» и не учитываются процессы хозяйственной дифференциации, активно происходящие в группе претендентов на лидерство. Но дело не только в постулируемых теоретических положениях. Основные усилия авторов концепции нацелены на то, чтобы продемонстрировать ее реальность, доказать ее претворение в жизнь, привязать к ней новые многочисленные явления и тенденции, формирующиеся на современном этапе в экономической, социальной и политической жизни латиноамериканских государств. Это проявляется в различных формах. Так, по итогам эволюции Латино-Карибской Америки (ЛКА) в первом десятилетии XXI в. в качестве основополагающего был сделан вывод о ее новообретаемом имидже — «регион состоит из кризисоустойчивых и динамично растущих экономик, довольно платежеспо-

собных рынков. Его ведущие страны на ряде направлений обнаруживают способность к переходу на инновационный путь развития»<sup>12</sup>.

Объективный анализ приводит к иным выводам. Решающим фактором, определявшим хозяйственную обстановку в регионе, была благоприятная весьма высокая внешнеэкономическая конъюнктура, что привело к возрастанию роли внешнеэкономических факторов в хозяйственном развитии. Соответственно главным итогом первого десятилетия XXI в. для экономики стран Латинской Америки было сохранение, а по многим показателям и усиление ее внешнеэкономической зависимости. Разумеется, было бы неверно недооценивать такие тенденции, как некоторое повышение динамики экономического роста региона, частичное повышение его кризисоустойчивости, ускорение отдельных направлений научно-технического прогресса. Но важно понимать, что все эти явления, равно как и определенное расширение возможностей для осуществления социально ориентированной экономической политики, представляли собой производные от действия мощных внешнеэкономических факторов — кратного скачка мировых цен на сырье, энергоносители, продовольствие и, соответственно, резкого увеличения экспортных доходов латиноамериканских стран.

Эта эволюция предопределила существенную неустойчивость хозяйственной обстановки в регионе в посткризисный период и большую неопределенность перспектив дальнейшего развития. Решающим фактором, определяющим положение на среднесрочную перспективу, стало заметное ухудшение внешнеэкономических условий. По имеющимся оценкам, динамика экономического роста здесь в период до 2030 г. снизится и будет ограничиваться средними показателями равными 2,5—3,2%. Данные темпы несколько ниже соответствующих прогнозных ориентиров, рассчитанных учеными Института мировой экономики и международных отношений РАН в стратегическом глобальном прогнозе на 2030 г., опубликованном в 2011 г. (3,2—3,25%)<sup>13</sup>. Но эта понижающая тенденция характерна для большинства развивающихся регионов и многих стран переходной экономики. Симптоматично, что именно такие темпы роста (2,5%) установлены, в частности, в скорректированном прогнозе на период до 2030 г. для России, чье положение во многом аналогично латиноамериканской ситуации<sup>14</sup>.

Обратимся к **Бразилии**. Как показывают многолетние данные, ее темпы роста близки к среднерегиональным. В последние годы динамика ее развития заметно снизилась и отстает от среднерегионального уровня. В 2011 г. темпы роста ВВП Бразилии составили 2,7%, в 2012 г. — 1%, в 2013 г. — 2,4%, в 2014 г. — (по предварительным оценкам) 2,6%, в то время как в целом по региону они достигали, соответственно, 4,3%, 3,1%, 2,6%, 3,2%<sup>15</sup>. Ожидания официальными кругами ускорения хозяйственного роста Бразилии до 5,8% в год не оправдались. Ошибочными оказались и оценки отечественных специалистов, ориентировавшие на полуторакратное повышение темпов роста бразильской экономики, — прирост ВВП на период до 2020 г. на уровне 4,5—5,5%\*. Все говорит о том, что на среднесрочную перспективу ди-

\* Более подробно об этом см.: Л. Н. С и м о н о в а. Бразилия Лулы: от неолиберальной трансформации к национально-ориентированной экономике. — Латинская Америка, 2011, № 2.

динамика экономического развития Бразилии будет находиться в лучшем случае на среднерегиональном уровне.

В **Мексике** темпы роста ВВП в среднем выше, хотя в целом примерно совпадают с указанной динамикой. Важно, однако, в полной мере учитывать, что они, как и другие общеэкономические показатели, отражают ключевой процесс — интенсивность освоения, «переваривания» мексиканской экономики народнохозяйственным комплексом США. И, видимо, эти темпы роста ВВП не могут быть ориентиром, позволяющим судить о превращении Мексики в самостоятельный мировой центр силы. Сторонники восхождения Мексики на «Олимп акторов мирового уровня» во многом игнорируют данную объективную реальность и связывают свои надежды с «некоей новой «пионерной» моделью модернизации, основанной на более согласованных усилиях федерального правительства, местных властей и различных сегментов корпоративного сектора и отвечающей реалиям перехода к информационно-сервисному обществу»\*. Но эти надежды пока не подкрепляются эволюцией мексиканской экономики. В целом данный прогноз означает, что упомянутая концепция восходящих стран-гигантов, ориентирующая на ускорение развития обоих латиноамериканских государств и их подтягивание к статусу мировых сверхдержав, лишается какого-либо реального подтверждения (по крайней мере на ближайшие два десятилетия).

Существенной корректировки требует и тезис о повышении кризисоустойчивости ЛКА. Кризис 2008—2009 гг. она прошла со сравнительно небольшими потерями (падение ВВП составило в 2009 г. 1,6%)<sup>16</sup>. На этой основе и был сделан вывод о повышении кризисоустойчивости региона и высокой эффективности антикризисной политики, проводившейся латиноамериканскими странами. Однако анализ реального течения кризиса показывает, что минимизация кризисных потерь региона определялась двумя ключевыми моментами: во-первых, краткосрочностью кризисного периода (около шести месяцев), что предопределялось масштабными финансовыми вливаниями в центры капитализма (в США, например, они составили 3,5 трлн долл.), и, во-вторых, сохранением довольно высокой конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей, сырья и продовольствия. Все это вынуждает весьма осторожно оценивать эффективность антикризисных мероприятий, осуществлявшихся правительствами латиноамериканских государств, равно как и степень повышения их кризисоустойчивости. Последняя нуждается в реальном подтверждении и не исключено, что будет серьезно испытана на прочность в ближайшей перспективе.

Сдвиги в расстановке основных мировых сил и формирование нового двухполярного мира (США — Китай) расширили маневренные возможности развивающихся стран, способствовали усилению их внешнеполитической активности. В Латинской Америке ряд государств, и прежде всего Бразилия, стремились использовать в своих интересах эту новую обстановку. Международно-политический курс Бразилии был нацелен на закрепление лидирующего положения в группе развивающихся наций, диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Его реализация была связана с требованиями реформирования ООН и участием в

---

\* А. В. Б о б р о в н и к о в. Мексика сохраняет свой шанс. — Латинская Америка, 2013, № 1, с. 39; № 2, с. 30—31.



группе четырех претендентов на место постоянного члена Совета Безопасности, стремлением занять лидирующие позиции в новых международных структурах, присоединением к группе BRICS. Однако все эти шаги принципиально не изменили международно-политический статус Бразилии и отнюдь не способствовали ее превращению в мировой центр силы. Она остается региональной державой и именно в этом качестве рассматривается мировыми лидерами, т.е. Вашингтоном и Пекином.

Латиноамериканская стратегия США после провала проекта образования Общеамериканской зоны свободной торговли ориентирована на подтягивание в свой ближайший резерв Мексики, стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Бразилии в этой стратегии отводится место важного, перспективного, но не приоритетного партнера. Белый дом проявляет готовность к расширению отдельных направлений хозяйственного взаимодействия с Бразилией, что приводит, в частности, к довольно быстрому наращиванию инвестиций американских компаний как в традиционных отраслях (автопром), так и в некоторых новых высокотехнологичных производствах. Однако в целом динамика двухстороннего экономического и политического сотрудничества остается довольно низкой. Вашингтон настороженно воспринимает претензии Бразилии на лидирующее положение в группе развивающихся стран и занимает весьма сдержанную позицию в отношении многочисленных бразильских инициатив, выдвигаемых в G-20 и на других международных площадках.

Следует отметить, что достаточно сложный и неоднозначный характер носят и отношения Бразилии с Китаем. Бразилия присоединилась к группе BRICS, что было положительно воспринято Китаем и расценено как расширение латиноамериканского фронта поддержки Поднебесной, в который входят леворадикальные режимы (Венесуэла, Куба, Никарагуа, Эквадор). Однако Китай в целом весьма сдержанно относится к концепции многополярного мира и отнюдь не склонен поддерживать становление новых самостоятельных мировых центров силы, ибо прежде всего заинтересован в партнерах, готовых к его безоговорочной поддержке. Фактически политический курс Бразилии, в той или иной степени нацеленный на реализацию ее великодержавных претензий, идет вразрез со стратегическими установками Пекина.

Масштабный характер носят и экономические противоречия. Вступая в BRICS, Бразилия, несомненно, рассчитывала приобрести статус приоритетного партнера Китая в Латинской Америке с соответствующими экономическими бонусами. Однако в реальности она столкнулась с жестким курсом, опирающимся на традиционную концепцию центр — периферия, где роль центра отводится КНР, а роль аграрно-сырьевой периферии и рынка сбыта для китайской потребительской продукции принадлежит странам Латинской Америки. За последние десятилетия Китай превратился в крупнейшего покупателя их сырьевых товаров и аграрной продукции. Его закупки в 2000—2012 гг. возросли в 25 раз. Одновременно резко расширилась китайская экспортная экспансия, обострилась конкуренция между китайским ширпотребом и местной промышленной продукцией. В последнее время китайский экспорт в регион в 1,5 раза превышает китайский импорт\*. Эти общие тенденции в полной мере проявились и в торгово-

---

\* Naciones Unidas. CEPAL. Promoción del comercio y la inversión con China. Santiago de Chile, 2013, p. 10.

экономических отношениях КНР с Бразилией. Закупки Китая ограничиваются узким кругом аграрно-сырьевых товаров (на долю четырех — железной руды, сое-бобов, нефти и древесной массы — приходится свыше 80% китайского импорта). Параллельно возрастают поставки на бразильский рынок китайской потребительской продукции. Это ставит в сложное положение широкий круг национальных промышленных предприятий, не всегда готовых к конкуренции.

В последнее время центр дискуссий вокруг концепции восходящих стран-гигантов все больше смещается в сферу обсуждения проблем их модернизации. Сторонники концепции, стремясь подтвердить ее воплощение в жизнь, формулируют следующие ключевые положения: во-первых, истекшее десятилетие XXI в. ознаменовалось не просто ускорением модернизационных процессов в Латинской Америке, но и ее переходом на инновационный путь развития. Более того, как подчеркивается в работе «Латинская Америка на пути экономической модернизации», опыт ведущих латиноамериканских стран показывает, что они вступают в новый этап инновационного развития<sup>17</sup>. Во-вторых, в ведущих государствах региона формируются целостные национальные инновационные системы, включающие современную высокотехнологичную научно-исследовательскую и производственную базу. В-третьих, итоги инновационного развития уже привели к сокращению технологического отставания латиноамериканских лидеров от центров капитализма, сдвигам в их производственной структуре и расширению их позиций на мировых рынках высокотехнологичной продукции. Правда, указанные выводы сопровождаются оговорками и порой не оформлены достаточно четкими формулировками, но вытекают из логики, терминологии и аргументации изложения.

Возникает вопрос: в какой степени эти положения соответствуют объективной реальности? Как отмечалось выше, благоприятная внешнеэкономическая обстановка создала условия для некоторого расширения финансирования научных исследований и разработок, способствовала принятию государственных программ стимулирования научно-технического прогресса, образованию новых бюрократических структур и фондов, отвечающих за инновационную сферу. Лозунги обеспечения инновационного развития стали весьма популярны в Латинской Америке и активно используются правительственной верхушкой и руководителями деловых кругов в определенных политических целях. Однако эти новые явления не привели и не могли привести к возникновению здесь целостных национальных инновационных систем. Для этого не было ни необходимых финансовых, ни других материальных возможностей. Наличие целостных национальных инновационных систем представляет собой одно из главных отличий экономик промышленно развитых государств от хозяйственных структур развивающихся стран и большинства стран переходной экономики.

Следует оговориться: транснациональные корпорации в новейший период действительно осуществляли в регионе (в частности, в Бразилии и Мексике) масштабные капиталовложения и производили основательную техническую (в том числе и инновационную) перестройку своих производственных мощностей. О значении происшедших трансформаций говорит, например, опыт мексиканского автопрома. Ведущие мировые автопроизводители (американские «General Motors» и «Ford», японские «Toyota», «Nissan», «Honda», «Mazda», западноевропейские «Volkswagen» и «Daimler-Benz») произвели многомиллиардные инвестиции в свои филиалы в Мексике. В результате объем производства отрасли

вырос с 2 млн автомашин в 2007 г. до 3 млн в 2012 г. В 2014 г., по некоторым оценкам, он составит 4 млн и в ближайшие несколько лет может увеличиться до 5 млн. 80% выпускаемых машин направляются на экспорт\*. Аналогичные изменения наблюдаются и во многих других отраслях обрабатывающей промышленности Мексики и Бразилии, контролируемых иностранным капиталом. Но иностранные предприятия входят в систему международных производственных комплексов ТНК, и, как правило, жестко изолированы от сектора национального предпринимательства (что не раз констатировали и зарубежные, и российские исследователи, в том числе авторы и сторонники концепции восходящих стран-гигантов). Поэтому рассматривать инновационные достижения иностранных филиалов как фактор национального инновационного развития представляется ошибочным.

Принципиальное значение имеет и правильная трактовка проблемы технологического отставания Латинской Америки от центров капитализма. Как уже отмечалось, в период кризиса и в посткризисные годы США и другие промышленно развитые страны совершили мощный рывок вперед в сфере инновационного развития. Это привело к разработке новых технологий (в том числе шестого технологического уклада), массовому обновлению производственных мощностей, заметному повышению производительности труда. На этом фоне прогресс, достигнутый в научно-технической области Бразилией и Мексикой, выглядит минимальным. Несмотря на некоторое продвижение вперед (в первую очередь Бразилии) в научно-техническом отношении, речь идет об углублении научно-технического отставания латиноамериканских стран от центров капитализма, причем этот разрыв может и дальше возрастать ввиду огромного неравенства материальных и финансовых ресурсов, направляемых на цели инновационного развития\*\*.

Представляется, что в целом концепция восходящих стран-гигантов и вытекающие из нее выводы нуждаются в фундаментальной корректировке. Основная ошибка ее авторов состоит в том, что они приняли краткосрочное колебание конъюнктуры истекшего десятилетия за длительный тренд. Концепция не может быть основополагающей, исходной точкой научных исследований, которые должны определяться объективной реальностью и в полной мере, правильно отражать ключевые процессы и явления, формирующиеся в Латинской Америке.

## **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И МЕСТО ВОСХОДЯЩИХ СТРАН-ГИГАНТОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

Центральный вопрос, встающий перед многими странами в условиях становления нового двухполярного мира в XXI в., — это вопрос позицио-

---

\* Более подробно см.: Л.Л. К л о ч к о в с к и й. Транснациональный капитал и Латинская Америка: новая повестка дня. — Латинская Америка, 2014, № 1.

\*\* Наиболее четко процесс научно-технического отставания фиксирует динамика расходов на НИР. Затраты США на эти цели за период с 1999 по 2014 г. увеличились с 246,1 млрд до 424 млрд долл. Расходы на НИР стран Латинской Америки также возросли с 17,3 млрд до 36,5 млрд долл. Но разрыв в объемах финансирования, как явствует из этих данных, все больше нарастает. Становятся все менее сопоставимы и другие ключевые показатели научно-технического развития (число зарегистрированных патентов, численность исследователей на 1 тыс. занятых и т.д.). — US. National Science Foundation. Science and Engineering Indicators 2012, 2014. Arlington, 2012, 2014.

нирования в системе международных отношений и поиска форм взаимодействия с мировыми центрами силы. Ограничение доминирования Соединенных Штатов в мировой экономике и политике является ключевым фактором, определяющим эти новые явления. Стремление ослабить свою зависимость от США, выровнять асимметрию традиционных отношений, становится важной стратегической линией многих развивающихся государств и стран переходной экономики.

В современных условиях по мере укрепления мировых позиций Китая появляются принципиально новые возможности позиционирования в системе международных связей на основе устойчивого балансирования между обоими центрами силы. Эти возможности пытаются использовать «восходящие страны-гиганты». Они реализовались, в частности, в форме создания группы BRICS.

Определяя суть группы, авторы недавно опубликованной монографии «БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие» констатируют: «Речь идет о трансконтинентальной коалиции, возникшей по широкому кругу геоэкономических и геополитических мотивов, связанных с изменением весовых категорий в мировой иерархии и механизмов глобального регулирования»<sup>18</sup>.

Роль «пятерки» в международной жизни за последние годы, несомненно, возросла. В поле зрения ее участников оказались многие важные вопросы мирового развития. Однако практика вскрыла сложный комплекс проблем, серьезно ограничивающих решение изначальной задачи, стоявшей перед большинством его членов, — обеспечение балансировки между двумя мировыми центрами силы.

Главная проблема состоит в доминировании Китая в объединении. На его долю приходится свыше половины суммарного экономического потенциала BRICS, причем процесс экономической дифференциации углубляется: если в 2000 г. доля КНР в суммарном ВВП составила 41,3%, то в 2007 г. — 48,9%, а в 2013 г. — 55,9%<sup>19</sup>. КНР активно использует объединение в качестве инструмента своей внешней политики, и практическая деятельность BRICS в значительной мере ориентирована на обеспечение китайских интересов. BRICS, в частности, выполняет следующие функции: а) мобилизация международной поддержки, что рассматривается КНР как существенный фактор в ее взаимодействии и противостоянии с США и объединенным фронтом промышленно развитых государств; б) реализация важных внешнеэкономических задач, поставленных КНР, в частности, по превращению юаня в мировую резервную валюту и перестройке международных финансовых отношений на базе укрепления мировых позиций Китая; в) прикрытие и вуалирование реального содержания внешнеэкономической стратегии Китая. Провозглашенная в концептуальных документах BRICS модель новых глобальных отношений, строящаяся поверх старых разделительных линий Восток — Запад или Север — Юг, декларация принципов взаимодополняемости, равенства, взаимной выгоды довольно часто не совпадают с реальной практикой КНР, ориентированной на построение отношений с основными партнерами из числа развивающихся государств и стран переходной экономики на базе традиционной концепции центр — периферия.

BRICS пока преимущественно выполняет роль «переговорной площадки». Основным результатом функционирования объединения — проведение взаимных консультаций, обмен мнениями, согласование позиций по отдельным направлениям международного политического и экономического сотрудничества. Но даже первые попытки осуществления реальных совместных акций четко свидетельствуют о преобладании интересов Китая. Так, в соответствии с решением о реформе МВФ, принятым в 2010 г. (пока не ратифицированным), квота Китая и, соответственно, имеющееся у него количество голосов увеличивается более чем на 60% (с 3,8% до 6,1%), у Бразилии — на 29%, у Индии и России — примерно на 10%, а у ЮАР даже сократится<sup>20</sup>. В намеченных к созданию финансовых институтах (Банк развития BRICS и Валютный фонд) налицо абсолютное доминирование Китая. В частности, доля КНР в Валютном фонде составит 41 млрд долл., Бразилии, Индии и России — по 18 млрд долл., ЮАР — 5 млрд долл. Прогнозируется превращение юаня в мировую валюту после 2025 г. К 2035 г. на долю юаня может приходиться до 12% международных валютных резервов<sup>21</sup>. Все это означает, что повестка дня BRICS весьма жестко определяется Пекином, что, видимо, лишает участников объединенная необходимой свободы маневра и вынуждает их идти в фарватере китайской стратегии.

Аналогичная ситуация складывается и в ведущих регионах развивающегося мира. С особой четкостью она прослеживается в ЛКА. В современных условиях осложнившейся хозяйственной конъюнктуры особое значение для ее стран приобретают поддержание разумного баланса во взаимоотношениях с двумя центрами силы, использование всех имеющихся возможностей для диверсификации внешнеэкономических связей.

Как уже отмечалось, в истекшем десятилетии роль Китая во внешней торговле латиноамериканских стран существенно возросла. Этот процесс создавал определенный противовес экономическому преобладанию в регионе США и Западной Европы. Следует, однако, подчеркнуть, что уже на том этапе высококонцентрированный характер китайской экспансии (как в товарном плане, так и в плане фирменной структуры) приводил к угрозе доминирования Китая на отдельных товарных рынках (сои, железной руды и др.). В современных условиях начинается новая фаза экономических взаимоотношений. Речь идет о масштабном инвестиционном вторжении китайского капитала в Латинскую Америку. Многомиллиардные инфраструктурные проекты (в частности, предполагаемое строительство второго межокеанского канала на территории Никарагуа\*, проект железнодорожной магистрали в Колумбии и другие крупные инвестиции в добывающей промышленности) могут резко расширить экономические позиции КНР в регионе, создать условия для усиления китайского доминирования на новых направлениях латиноамериканской внешней торговли и в других секторах экономики. Необходимость нейтрализации этих тенденций уже сейчас является объективной реальностью и требует принятия соответствующих мер.

Следует констатировать, что проблемы, возникшие в системе экономических отношений с Китаем (сугубо сырьевой характер латиноамерикан-

---

\* Более подробно см.: Н. М. Яковлева. Никарагуанский канал в светлое будущее. — Латинская Америка, 2014, № 1.

ского экспорта, наличие существенного дефицита, усиление конкуренции быстро растущего китайского экспорта и другие), неслучайны. Это — результат китайской стратегии, фактически определяющей динамику и структуру взаимной торговли, и пассивности латиноамериканской стороны. Ориентиры, разрабатываемые правительствами латиноамериканских стран и экспертным сообществом региона, пока не содержат корректировок сложившегося положения. Ключевой вывод экспертов ЭКЛАК на ближайшую перспективу гласит: «Роль Китая как направления регионального экспорта в течение текущего десятилетия будет продолжать возрастать»<sup>22</sup>. Генеральная задача для региона, формулируемая Исполнительным секретарем ЭКЛАК Алисией Барсеной, видится как «императив стратегического сближения» с Китаем и Восточной и Юго-Восточной Азией<sup>23</sup>. Но реализация этих установок без необходимого (и, видимо, первоочередного) выравнивания возникших дисбалансов может лишь усугубить неравенство сторон и углубить имеющиеся противоречия.

Все это означает определенную недооценку возможностей защиты латиноамериканскими странами своих национальных интересов, в том числе на основе активного балансирования между двумя мировыми центрами силы. Показательно, что оценки экспертов ЭКЛАК на ближайшую перспективу ориентируют на постепенное свертывание торговых отношений с США и Западной Европой. Согласно этим прогнозам доля Соединенных Штатов в экспорте региона может снизиться к 2020 г. до 33%, а Западной Европы — до 13%. В импорте прогнозируется еще более резкое падение. Доля США к 2020 г. сократится до 26%<sup>24</sup>. На практике это приведет к еще большему обострению проблемы сбыта готовых изделий, выпускаемых латиноамериканскими государствами, ибо США являются их главным покупателем на мировом рынке. Ослабление позиций американских и западноевропейских поставщиков может повлечь за собой сужение возможностей доступа к высокотехнологичной продукции (прежде всего оборудованию и новейшей технологии).

Вместе с тем важно отметить, что проблемы выработки экономической стратегии, отвечающей национальным интересам, учитывающей необходимость поддержания разумного баланса между основными мировыми центрами, широко и остро обсуждаются сегодня в Латинской Америке. В ходе этих дискуссий могут возникнуть правильные решения, способные обеспечить поступательное движение региона по пути экономического и социального прогресса.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Naciones Unidas. CEPAL Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe, 2013. Santiago de Chile, 2013 p. 56—57.

<sup>2</sup> ПОИСК, № 15, 11.IV.2014, с. 9.

<sup>3</sup> Эксперт, 10—16.XII.2012.

<sup>4</sup> Organización Mundial del Comercio. Informe sobre el Comercio Mundial. Factores que determinan el futuro del comercio. Ginebra, 2013, p. 82.

<sup>5</sup> Naciones Unidas. CEPAL. Panorama de la Inserción Internacional de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile, 2013, p. 66—67.

<sup>6</sup> Ibid., p. 61, 72.

<sup>7</sup> Мировая Экономика и международные отношения, 2014, № 2, с. 7.

- <sup>8</sup> ПОИСК. Указ. соч.
- <sup>9</sup> Эксперт, № 3, 13—19. I.2014, с. 80, 83.
- <sup>10</sup> Эксперт, № 9, 17—23. III.2014, с. 4.
- <sup>11</sup> В.М. Д а в ы д о в, А.В. Б о б р о в н и к о в. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М., 2009, с. 10.
- <sup>12</sup> Латинская Америка, 2013, № 6, с. 6.
- <sup>13</sup> Стратегический глобальный прогноз 2030. М., 2011, с. 461, 468.
- <sup>14</sup> Эксперт, № 3, с. 30.
- <sup>15</sup> Naciones Unidas. CEPAL. Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe, 2013, 2014, p. 10.
- <sup>16</sup> Ibid., Cuadro A-1, p. 61.
- <sup>17</sup> Латинская Америка на пути экономической модернизации. М., 2013, с. 35.
- <sup>18</sup> БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Под общей редакцией член-корр. РАН В.М. Давыдова. М., 2014, с. 13.
- <sup>19</sup> World Bank. World Development Indicators IMF. World Economic Outlook Update January 2014.
- <sup>20</sup> IMF. Quota and Voting Shares Before and After Implementation of Reforms Agreed in 2008 and 2010. — <http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2011/pdfs/quotaatbe.pdf>
- <sup>21</sup> The World Bank and the Development Research Center of the State Council. P.R. China. China 2030: Building a Modern Harmonious Creative Society. Washington, 2013 p. 49.
- <sup>22</sup> Naciones Unidas CEPAL. Promoción del Comercio y la Inversión con China. Santiago de Chile, 2013, p. 49.
- <sup>23</sup> Ibid., p. 7.
- <sup>24</sup> Ibid., p. 10, 11.